

в неведении относительно того и другого. Но весьма полезно заставлять его одновременно иметь в виду и то и другое» (Паскаль).

3. «Я создал тебя существом не небесным, но и не только земным, не смертным, но и не бессмертным, чтобы ты, чуждый стеснений, сам себе сделался творцом и сам окончательно выковал свой образ. Тебе дана возможность пасть до степени животного, но также подняться до степени существа богоподобного — исключительно благодаря твоей внутренней силе» (Пико делла Мирандола).

4. «Я царь — я раб, я червь — я бог» (Державин).

Если рассматривать приведенные выше тексты как синонимические преобразования, то, действительно, обнаруживаемый в них некий общий смысл является инвариантом этих преобразований. Несомненно и то, что смысловой инвариант метафорически можно сопоставить с праформой в сравнительно-историческом языкознании или с информацией в шэнноновской интерпретации. Возникновение подобного рода идей можно объяснить как развитием самой лингвистики в направлении исследования означаемых, так и потребностями автоматической обработки текстов. В литературоведческом анализе подобные концепции вряд ли могут быть использованы, ибо у литературоведения нет сходных научных и прикладных задач.

В словесном художественном творчестве писатель сам выбирает «смысл» и сам его «семантически репрезентирует» по законам искусства, т. е. создает («порождает») текст, в котором некоторая мысль, предмет, ситуация, поступок и т. д. оформляется в эстетической проекции, не теряя при этом связи с действительностью или с другими действительными «текстами».

Следующие два высказывания можно было бы рассматривать как текстуальные парафразы некоего общего смысла:

1. «Гипербола имеет две асимптоты, то есть прямые, к которым она неограниченно приближается» (из энциклопедического словаря).

2. «Идея может стать личностью. Я верю, что неограниченно простирающаяся ветвь гиперболы желает — именно желает! — коснуться своей асимптоты, хотя никогда не сможет достичь ее; геометр, который ощутил бы безнадежность желания гиперболы слиться со своей асимптотой, представил бы нам эту гиперболу как некую личность, причем личность трагическую. И я верю, что эллипс желает иметь два фокуса. И я верю в трагедию формулы бинома Ньютона. Я не знаю только, ощутил ли это сам Ньютон. Для наших же критиков все это — не более чем голые идеи или фиктивные сущности!» (М. де Унамуно).

Первый текст — научный, который можно было бы приравнять к семантической записи смысла. Второй — художественный, своеобразие которого состоит, между прочим, в том, что здесь раскрываются возможности превращения научного факта в художественный образ, дана, так сказать, модель «факт → образ» в действии. Приравнивание смысла второго текста к первому вполне возможно. В структурной семантике допустима и, вероятно, целесообразна метаязыковая запись общего, инвариантного смысла этих двух высказываний. Однако сведение смысла, извлеченного из художественного произведения, к смыслу, записанному на естественном языке (научный язык математики) или на метаязыке (научный язык лингвистики), не является задачей и целью ученого, исследующего художественный текст. Более того, стилиста и литературоведа интересует как раз обратное: например, в чем состоит различие научной и художественной (поэтической) репрезентации единого смысла? Опыт обращения с двумя типами текстов, например поэтическим и научным, дает представление об общих особенностях того и другого, что помогает разобраться в специфике конкретно анализируемого текста. В поэзии превалирует неизъяснимое (Унылая пора, очей очарованье), в науке — объяснимое; в поэзии доминирует единичное и особенное, в науке — общее и всеобщее